

воритъ: Потемнѣ паче сажи образъ ихъ (Плакъ Тер. гл. 4). Ты еси єже еси, а мы єдиное ничто: есмы и не есмы, и икобы насъ не было простиъ твоей сътности, кичмужъ мы тебѣ пригодны; Такъ превеликамъ єгѡ любовь єсть, икш восторгъ ничегѡ не оуважаєтъ, икобы себѣ забываетъ! И хотѧ тѣмны есмы, скверны, мерзки и ничто: любви однакожъ єгѡ Божественной, превеликой (єстьли толькъ сами къ нему съ покааніемъ привѣгнемъ,) представляемъ въ людахъ святыхъ, и съвѣтлы и чисты и краснообрѣзны, и превышаемъ "Иггеловъ: не ѿ Иггелъ бо когда прїемлетъ, но ѿ съмене Ибраама прїемлетъ (Бр: гл. 2). Такъ къ намъ положилъ твѣрдю любовь свою Господа, такъ возлюби! ѿ любви твоей человѣколюбче! И се она твѣрдь въ оной бѣздѣ: любовь милосердія єгѡ къ намъ твѣрда, Божественна!

Сїа твѣрдь твѣрдыя къ намъ любви Божија, єсть намъ същественнш небомъ, а небо оное єсть Шамайнъ, воднистое, Христосъ Господь, изливавшій нынѣ иез отчей свойхъ слезы: а изливши потомъ на крестъ иез пречистыхъ ребръ кроевъ и вода, выполнитъ слова Давидовы: икш вода изливахъ (Фал. 21). Да и сама на твѣрдь наива, ѿ негѡ нынѣ прїатая, єсть вода подсена, икш фекшитанына говоритъ Давидъ: вси бо оумироще съмираемъ, икш вода изливаема на землю не сокрѣмъ (Б Цар: гл. 14). И народъ, для которыхъ искрѣнія пришельцъ Сынъ Божији, всѣ тѣ суть воды: воды, иже видѣлъ еси, народы суть (Апок: гл. 19). воднистое тамъ єсть небо въ вертепѣ виафлеемскомъ, новорожденный Младенецъ въ естествѣ нашемъ. Доводъ тогѡ искній: какъ съ неба сходитъ дождь, или роса, такъ иез пренансватъшихъ очесъ Христовыихъ, въ младенчествѣ плачущихъ, исходитъ слезы. Молили праотцы, да кро-